

Лидия Чарская

Тринадцатая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Тринадцатая / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 98 с.

ISBN 978-5-4241-3212-4

У героинь замечательных книг Лидии Чарской есть чему поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу, подвиг во имя Родины...

ISBN 978-5-4241-3212-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Алексеевна Чарская
Полное собрание сочинений
Том сорок восьмой

Повесть для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Тринадцатая

Глава 1

— Итак, дети, завтра приезжает та маленькая сиротка, которую вы должны принять как любимую подругу. Вы это сделаете, не правда ли?

Двенадцать голосов отвечают дружным хором:

— Да, Марья Андреевна, мы будем ласковы с ней!

— Прекрасно! — произнесла с улыбкой Марья Андреевна, молодая девушка с добрым лицом и густыми русыми волосами. — Признаться, я и не ожидала от вас иного ответа! А теперь я пойду приготовлю в спальне место для новенькой, кровать и ящик комода. Вы же можете поиграть до ужина. Вам еще остается три четверти часа.

Теплый июньский вечер врывается в комнату. Окна раскрыты настежь. Аромат гвоздики, левкоя и душистого горошка на клумбах под окнами дает чудесный букет. Заходящее солнце румянит стволы сосен. А кругом тишина вечнозеленого соснового леса...

В глубине леса спрятана небольшая усадьба — "Лесное убежище для девочек", о чем гласит большая черная доска с золотыми буквами, прибитая к воротам. Вокруг главного здания, двухэтажного деревянного дома, где живут пансионерки с учительницей Марьей Андреевной Миртовой, с доктором Анной Васильевной, с няней Ненилушкой и со стряпухой Лизой, расположены помещения для сторожа и кучера, дворницкая, баня, конюшня, сарай и прачечная. Еще дальше — домик начальницы и учредительницы "Лесного убежища" Валерии Сергеевны Симановской и небольшая церковь-часовня рядом.

Несколько лет тому назад лесная усадьба стояла одиноко, и в ней не жил никто. В то время Валерия Сергеевна Симановская, богатая вдова помещика, хозяйина усадьбы, жила в Петербурге. В ее доме находилась тяжелобольная маленькая дочурка Люся. Госпожа Симановская была в отчаянии. Она приглашала к Люсе лучших докторов столицы, умоляя их спасти девочку, ездила по церквям и служила молебны о спасении дочери. Но жизнь Люси висела на волоске. С каждым днем девочке становилось все хуже и хуже.

И в душе Валерии Сергеевны созрело решение совершить в случае выздоровления Люси большое доброе дело.

— Господи, — шептала она в слезах, преклоняя колени перед образом Спасителя, — не отнимай от меня моей дочурки! Пошли ей исцеление, Господи!.. За мою спасенную и возвращенную мне девочку я постараюсь сохранить жизнь и здоровье двенадцати другим. Обещаю Тебе это, милосердный Господи!

И тут же Валерия Сергеевна поведала всем своим родным и знакомым, что она решила устроить, лишь только поправится Люся, убежище для двенадцати маленьких девочек, которых родители, по бедности, не могут лечить.

А Люся стала медленно, но верно поправляться. Валерия Сергеевна перевезла девочку и ее младшего братишку Славу в свое лесное поместье, и вскоре большой дом в лесу оживился присутствием двенадцати маленьких девочек, нуждавшихся в свежем лесном воздухе и здоровой, питательной пище.

Слабенькие, болезненные дети бедных родителей нашли все необходимое под

гостеприимным кровом доброй лесной помещицы. К ним был приглашен опытный доктор и воспитательница-учительница. Валерия Сергеевна, или Мама Валя, как ее называли воспитанницы, решила в то же время готовить их к поступлению в гимназию или другие школы.

Таким образом, госпожа Симановская сдержала данное Богу обещание. Двенадцать девочек были вырваны из нужды, лишений и недугов.

* * *

Девочки стояли посреди большой светлой комнаты, называемой классной. Здесь они и занимались, и проводили свободное от занятий время.

Незамысловата была обстановка классной. Большой стол занимал середину комнаты. Вокруг него двенадцать стульев. Столько же маленьких шкафчиков ютилось вдоль стены классной. Здесь, в этих шкафчиках, прятались тетради, книжки и игрушки воспитанниц.

— Девочки, — сказала старшая из "лесных девочек" (как их прозвали соседние крестьяне и окружающие помещики), черненькая, худенькая, высокая Липа Стручкина, одиннадцати лет, — мы должны сделать что-нибудь приятное для новенькой, приготовить какой-нибудь сюрприз, чтобы облегчить ей приезд к незнакомым людям! Вы слышали, что сказала Марья Андреевна? Она круглая сиротка!

— Да! Да! Ей, должно быть, нелегко, бедняжке! Папа ее, моряк, утонул год тому назад в море, как говорила вчера Мама Валя. Матери своей новенькая и не помнит даже, а тот родственник, друг ее папы, у которого она жила этот год, больше не может держать ее у себя, потому что он сам небогат и обременен большой семьей. И вот бедную девочку привезут сюда к нам! — добавила рыженькая Софочка, бойкая, шаловливая девочка, и обвела подруг быстрым взглядом. — Что касается меня, то я ей непременно скажу блестящую речь при встрече! — неожиданно заключила она.

— Девочки! — крикнула Наташа Чижова, белокурая восьмилетняя девочка с голубыми глазками. — Мы попросим завтра утром Марью Андреевну сходить с нами в лес, чтобы нарвать для новенькой незабудок!

— Да! Поднесем ей завтра большой букет! — подхватила шестилетняя Ляля, самая маленькая пансионерка, с коротко остриженной головкой, похожей на круглый шарик, — общая любимица, баловень всей усадьбы и закадычный друг Наташи.

Высокая, тоненькая Вера, горячая, вспыльчивая, но добрая девочка, добавила:

— Нет! Цветы — это слишком мало! Я предлагаю другое. Когда нам за ужином подадут пастилу, пусть каждая отложит свою порцию для новенькой. Я соберу все, уложу в большую коробку, перевяжу ленточкой, и мы все вместе поднесем ее новенькой. Кто согласен — поднимите руки!

Двенадцать рук, с кляксами на ладонях и с царапинами на пальцах, одинаково дружно поднялись над белокурыми, русыми и черненькими головками.

Ганя Сидоркина, тихая, маленькая крестьянка, дочь пришедшего из деревни в соседний город на заработки мужичка, подобранная год тому назад Валерией Сергеевной с жестоким воспалением легких в сыром углу подвала, произнесла:

— Мне нечего подарить бедной сиротке, но зато я буду застилать ее постель каждое утро и каждый вечер, обметать пыль с ее шкафчика и вытирать мокрой

щеткой каждое утро пол около ее кровати, чтобы ей не пришлось этого делать самой!

— А я ей буду рассказывать сказки! — весело крикнула смугленькая Наля, умевшая выдумывать чудесные рассказы, которыми она забавляла подруг.

— А я научу ее воспитывать куклу и приучать ее к порядку, — и Саша Кудряшова, или Саша-растеряша, как прозвали девятилетнюю, всегда все забывающую и рассеянную девочку, выступила вперед.

Все рассмеялись.

— Саша-растеряша может научить порядку! Как же!

Оля и Катя Хмуровы, две сестрички, восьми и десяти лет, очень похожие одна на другую, неразлучные, как два маленьких попугайчика, присоединились к своим подругам.

— Я ей наберу земляники в лесу, — сказала старшая Оля.

— А я поймаю зеленого кузнечика и посажу его для нее в банку, — вторила младшая сестрица Катенька.

— А он тебе, кузнечик твой, сядет на нос и отъест его, — засмеялась бойкая Софочка, отлично знавшая склонность Кати трусить, бояться каждого пустяка и плакать от страха.

Катя скорчила плачущую рожицу и сквозь слезы проронила:

— Кхи-кхи-кхи! Неправду ты говоришь, не отъест мне носа кузнечик!

— Кхи-кхи-кхи! — передразнила подругу Софочка. — Оттого только и не отъест, что примет его за еловую шишку! Видишь, какой он у тебя большой?!

— И совсем не большой, — запищала Катя, ощупывая пальцами свой носик. — О-о-ля, скажи, чтобы она не смела о-би-ж-а-ать! — плаксиво затынула она, обращаясь к старшей сестре.

— Не смей обижать! — коротко и строго остановила Софочку Оля.

— Не смей обижать, изволь молчать! Не хочу молчать, хочу сказать: Катенька-плаксушка, глупая девчушка, перестань реветь, будем песни петь, будем цветики рвать, ими новенькую встречать! — затараторила шалунья Софочка, имевшая способность говорить в рифму, стишками, к великому удовольствию всех остальных девочек.

Девочки тотчас же окружили Софочку и потребовали от нее продолжения шутки.

— А дальше как, а дальше как?

— А Дальше дома нет! Господин Дальше ушел на обед, — продолжала шалунья, — а когда придет домой — тут вопрос уже другой! — заключила она и неожиданно весело запрыгала по комнате.

Протиснулась вперед маленькая девятилетняя Сара Блюм, болезненная девочка с печальными глазами и голубыми жилками на висках, дочь бедного башмачника-еврея, имевшего свою лавочку в соседнем городе, куда Сару возили каждую субботу видетсья с ее больным отцом.

— Мне папа всегда дает мятные пряники и карамельки, — застенчиво проговорила Сара, — и я не буду их кушать с этого дня, чтобы накопить их для новенькой! У меня уже припрятано немножко в моем шкафчике!

— Это хорошо, — произнесла Наля-сказочница и, помолчав с минуту, прибавила: — а какое у нее странное и красивое имя, у этой новой девочки! Кодя. Конкордия... В следующей моей сказке я назову точно так же одну заколдованную

принцессу, — неожиданно решила она.

— Ее папа утонул в Черном море во время бури. Ах, как это ужасно — потерять отца и мать! Не правда ли, девочки? — сказала Наташа Чижова.

— Мы будем крепко любить ее! — прозвучал, как бы в утешение ей, голосок малыutki Ляли.

— Она, должно быть, очень скромная и грустная, бедняжка! — шепнула Липа.

— Всегда печальная! — вторила ей Сара, которая сама редко смеялась, озлобленная болезнью отца.

— И плачет, верно, часто-часто, бедненькая! — подхватили сестрички.

Но внезапно десятилетняя Маня Кузьмина испуганно произнесла:

— Что ж это такое, девочки?! Этого нельзя! Никак невозможно! Не годится поступать в «Убежище» тринадцатой девочке! Подумайте! Ведь она будет тринадцатая!

— Ну да, тринадцатая! — подхватили дети. — Что ж из того, что тринадцатая?

— Да ведь число тринадцать — нехорошее число! — продолжала с жаром Маня. — Говорят, оно всегда приносит какое-нибудь несчастье. В тринадцатое число каждого месяца никакого дела предпринимать нельзя! Если вместе собрались тринадцать человек, то им нельзя за стол садиться, а то непременно кто-нибудь да умрет. И, стало быть, девочка, тринадцатая по счету...

— Стыдись, Маня, какие ты глупости говоришь! — прервала подругу Липа, считавшаяся самой разумной. — Не объясняла ли нам сама Марья Андреевна, что у Господа Бога все дни одинаково равны? Верить в какие-то несчастные числа — это, прости, пожалуйста, чепуха!

— Ай да Липа, молодец! Пристыди ее вконец, чтобы чушь не болтала, чтоб подружек не смущала, — скороговоркой затараторила Софочка.

— Верно говорит Липа! — вмешалась в разговор смуглая Наля-сказочница. — Если послушать Маню, так следовало бы бедную одинокую сиротку бросить на произвол судьбы потому только, что она будет в нашем «Убежище» тринадцатой!

— Стыдно, Маня, стыдно! — заговорили со всех сторон девочки.

— Да я сама слышала... — оправдывалась Маня.

Гулкий удар колокола, прикрепленного к дереву под окном лесного дома, возвестил детям, что пора идти ужинать. Двенадцать девочек парами выстроились у дверей классной и чинно зашагали в столовую, находившуюся на первом этаже.

* * *

Полдень в лесу. Солнце золотит вершины сосен и скользит желтыми зайчиками по сосновой хвое, похожей на зеленое кружево, все пронизанное золотом.

У ворот двенадцать девочек выстроились в ряд. Все они одинаково одеты в светлые ситцевые платья и белые передники.

Марья Андреевна, полненькая, как кубышка, Анна Васильевна и старушканиня Ненилушка, в очках, сползших на самый кончик носа, ждут с нетерпением новенькую воспитанницу.

Рядом еще двое детей — Люся и Слава, дети Валерии Сергеевны Симановской. Люся — веселая, бойкая хохотушка с толстой белобрысой косой. Слава — смуглый от загара, с ухватками отчаянного шалуна, высматривающий, где бы

ему напроказить. Рядом с ними Болтушка.

Это белая овечка с круглыми, глупыми глазами. Болтушка ходит всюду за своей хозяйкой Люсей, как собачка, и отчаянно блеет, когда надо и когда не надо.

За Славой ходит Жучок — черный мохнатый пудель с разбойничьим взглядом.

У девочек в руках подарки для новенькой. У Наташи и Ляли — большие букеты голубых незабудок. У Сары в бумажном пакетике — пряники и карамельки. Вера держит в руках коробку с пастилой — от всех девочек. У сестрички Оли — корзиночка земляники, у Кати — живой кузнечик в баночке. Словом, каждая девочка приготовила что-нибудь.

Теперь все глаза устремлены на дорогу. Она проложена через лес до станции, и по ней должна приехать в своей коляске Валерия Сергеевна и привезти новенькую, за которой она час тому назад отправилась на вокзал.

Кодю Танееву должны были довести до станции и там передать с рук на руки госпоже Симановской, как это было заранее условлено.

Поезд давно пришел. Ожидание детей перешло в волнение.

— Что же так долго? Почему их не видно до сих пор?

Первая теряет терпение Болтушка.

"Бэ-бэ-бэ", — блеет овечка и рвется из рук Люси к цветочной клумбе, разбитой у самых ворот.

Растущие на клумбе резеду и левкой Болтушка наивно принимает за салат, который она очень любит.

За ней начинает заметно беспокоиться и Жучок. Черный пудель вдруг живо заинтересовывается собственным хвостом, за которым тут же устраивает настойчивую охоту, к немалому удовольствию присутствующих.

Особенно же радуется этому обстоятельству Слава. Шалун валится с размаху на траву и громко хохочет, вызывая лесное эхо.

При первых же звуках этого хохота Жучок оставляет свое занятие и со всех ног кидается к Славе. В мудрую собачью голову приходит счастливая мысль, что бы то ни стало лизнуть барахтающегося в траве Славу, лизнуть прямо в кончик носа.

— Едут! Едут! Кодя едет! Новенькая едет! Смотрите! Смотрите! — внезапно раздаются голоса воспитанниц, и черному Жучку волей-неволей приходится отложить свое намерение до более подходящего случая.

В это время из-за сосен показывается коляска. В ней сидит молодая красивая женщина с озабоченным лицом. Больше в коляске никого нет.

— А где же новая девочка? — спрашивают все. — Да, где же новая девочка?

Валерия Сергеевна выходит из коляски.

— Мама Валя, а где же сиротка? — спрашивает малютка Ляля и на правах самой маленькой воспитанницы виснет на шее начальницы.

Попробовал последовать ее примеру и Жучок, который со всех ног кинулся было на грудь хозяйки, но Слава, а за ним и Люся предупреждают его, и Жучку остается только удовольствие облизать затянутую в перчатку руку Валерии Сергеевны.

Все двенадцать воспитанниц «Убежища» вмиг окружили начальницу:

— Что случилось с девочкой? Почему ее нет?

Валерия Сергеевна, взволнованная не меньше детей, сказала:

— Я обошла весь поезд, все вагоны, расспросила кондукторов, всю прислугу

поезда, но мне никто не мог сказать, где находится маленькая девочка. Говорили о ехавшем до предпоследней станции каком-то подростке, очень живом и шаловливым, но на предыдущей остановке подросток куда-то исчез.

Во всяком случае, дети, это была не Кодя! Ведь меня просили взять в «Убежище» бедную, маленькую, убитую горем сиротку, а не шаловливого подростка! Стало быть, это не она!

— Не она! — откликнулись эхом двенадцать детских голосов.

— Должно быть, она приедет с вечерним поездом, — сделала предположение доктор Анна Васильевна.

— Если угодно, я поеду встречать ее за вас! Вы очень устали, — предложила с готовностью Марья Андреевна начальнице.

Не успела ответить своей помощнице Валерия Сергеевна, как отчаянный лай огласил усадьбу. Два злющих дворовых пса, Полкан и Рябчик, оглушительно заливались на весь лес. Им откликнулся звонким тьяканьем Жучок, пулей сорвавшийся с места и с быстротой молнии исчезнувший в кустах.

Дети испуганно устремили глаза туда, где трещали сучья под чьими-то быстрыми шагами и где отчаянно метался, словно обезумевший, Жучок.

— Там кто-то чужой! — воскликнули "лесные девочки".

— Неужели волк!? — испуганно взвизгнула Катя, прячась за спину сестры и собираясь зареветь.

— Волк или не волк, а медведей целый полк! — подзадорила ее Софочка.

— Или разбойник! — прибавила Люся.

— Нет, просто новый индеец из племени лесных братьев, — сделал предположение Слава, бредивший рассказами о краснокожих.

— Кхи-кхи-кхи! Я боюсь... — снова запищала Катя.

— Слава, дай мне твою палку, я буду охранять Маму Валю от разбойников и волков, — взволнованно закричала Саша-растеряша и, энергично выхватывая из рук Славы фуражку, которую тот снял с головы, замахнулась ею, как тросточкой, на невидимого врага.

— Ай! Ты же меня задела! — запищала Катя, хватаясь за нос.

— Нет, уж если на то пошло, то защищать вас всех буду я! Ведь я среди вас единственный мужчина! — и Слава, гордо подняв палку одной рукой, другой лихо уперся в бок и выступил вперед с видом настоящего вояки.

В тот же миг кусты раздались в обе стороны под чьей-то энергичной рукой, и все присутствовавшие остолбенели от неожиданности...

* * *

Перед ними стояла рослая, крепкая девочка в шляпе, в высоко подоткнутой юбке, с перекинутым за плечи узелком, привешенным на конце палки-дубинки, которую она держала, как коромысло. На другом конце дубинки болтались сапоги с засунутыми внутрь чулками и подвязками. Из-под гриба-шляпы можно было только рассмотреть нижнюю часть лица, пышущие румянцем щеки и дочерна загорелую шею. Такими же загорелыми были и руки, длинные, сильные пальцы крепко держали дубинку. Дно шляпы-гриба отстало за ветхостью, и сквозь образовавшееся отверстие можно было разглядеть на голове коротенькую, но густую-прегустую шевелюру темно-русых волос.

На вид новенькой можно было дать лет двенадцать-тринадцать, она на целый

вершок, казалось, была выше Липы, Веры и Мани, самых больших девочек. А среди худеньких, хрупких воспитанниц казалась настоящим богатырем.

Странная девочка не спеша вылезла из кустов, степенно переступая босыми ногами, и, ни к кому не обращаясь, спросила:

— А где здесь будет начальника?

Она сдвинула на затылок шляпу, как это делают мальчики, и внимательным взором обвела присутствовавших.

Глаза у нее были маленькие, смеющиеся и задорные, а голос грубоватый, как у мальчика.

Когда шляпа девочки съехала на затылок, на лоб упал презабавный хохолок.

— Начальница "Лесного убежища" — я. Что тебе от меня надо, девочка? — ласково обратилась к странной посетительнице Валерия Сергеевна.

— Очень приятно познакомиться с вами, — произнесла девочка, бесцеремонно разглядывая госпожу Симановскую и кивая ей головой, как равная равной. — Я о вас слышала много, очень много хорошего! И хотя я не очень-то обрадовалась, когда мне велели ехать сюда, ну да делать нечего, пришлось, как видите, покориться! Позвольте представиться: меня зовут Кодя Танеева. Мне девять лет. Приехала поступить в "Лесное убежище" к вам, хотя, повторяю, я не очень-то рада этому! Но, надеюсь, как-нибудь привыкну, да и вы останетесь мной довольны, хотя я большая шалунья.

Тут девочка схватила за концы своей высоко подобранной юбки и отвесила изумленной Валерии Сергеевне глубокий и почтительный реверанс.

— Кодя! Кодя! Неужели это она?! Неужели тринадцатая девочка?! Неужели это и есть та сиротка, которую мы так долго ожидали?! — зазвучали вокруг взволнованные детские голоса.

— Она и есть, — уверенно произнесла Кодя и быстрым взглядом обжала снова лица будущих подруг. — Ба! Мальчуган! — неожиданно весело вскричала она при виде Славы, и радостная улыбка озарила ее некрасивое, большеротое, мальчишеское лицо. — Вот-то не ожидала, что встречу здесь мальчишку! Очень рада! Очень рада! Я люблю мальчишек больше, чем девочек. Девчонки — плаксы, трусихи, ревут из-за всякого пустяка. А мальчуганы — молодцы. Совсем иное дело! Как тебя зовут? Хочешь быть моим приятелем и другом? — она подбжала к Славе и изо всех сил хлопнула его по плечу.

— А ты любишь играть в индейцев? — в свою очередь осведомился Слава.

Но новенькая не успела ему ответить. Валерия Сергеевна решительно взяла ее за руку и притянула к себе.

— Послушай, однако, Кодя, как ты попала сюда? Я искала тебя на станции, в вагонах, всюду! И вдруг ты появляешься перед нами из кустов! Скажи мне, по крайней мере, как это все случилось!

— Как случилось? Гм-гм-гм, как случилось... — девочка отчаянно затеребила хохолок на лбу, посмотрела на небо, потом по направлению леса и тогда только начала говорить.

— Меня посадили в вагон вместе с друзьями покойного папы, — уже иным, серьезным тоном сказала Кодя, — они должны были довезти меня до места... Но город, куда они ехали, оказалось, находится на несколько станций раньше вашего «Убежища»! Они вышли, таким образом, на три часа раньше меня, строго-настрого приказав мне ехать смирнехонько до вашей станции и ждать вас